

Л і т е р а т у р а :

1. *Гонтар М. О.* Структурно-композиційні та лінгвостилістичні особливості тексту німецького літературного анекдоту : автореф. дис. ... канд. філол. наук : 10.02.04 / М. О. Гонтар. – Львів, 1995. – 18 с.
2. *Пекарская И. В.* Теория фигур и теория элокуции (ретроспективный очерк) / И. В. Пекарская // Риторика и культура речи в современном обществе и образовании : сборник материалов X Международной конференции по риторике / науч. ред.-сост. В. И. Аннушкин. – Вып. 2. – М., 2006. – С. 110-114.
3. *Перлина Ю. Г.* Композиционно-стилистическая структура эпиграммы как типа текста : дис. ... канд. філол. наук : 10.02.04 / Перлина Юлия Георгиевна. – Одесса, 1996. – 251 с.
4. *Савченко Ю. Є.* Прагмалінгвістичні моделі німецького анекдоту : автореф. дис. ... канд. філол. наук : 10.02.04 / Ю. Є. Савченко. – Одеса, 1994. – 15 с.
5. *Сидоренко О. В.* Малі комічні форми в західноєвропейських літературах високого Середньовіччя і Ренесансу : автореф. дис. ... канд. філол. наук : 10.01.05 / О. В. Сидоренко. – К., 2006. – 20 с.
6. *Якобсон Р. О.* Лингвистика и поэтика // Структурализм: “за” и “против”: сборник статей. – М. : Прогресс, 1975. – С. 193-230.
7. *Aichinger I.* Das Fenster-Theater // Weber H. Vorschläge. Literarische Texte für den Unterricht Deutsch als Fremdsprache / H. Weber (Hrsg.). – Bonn : Inter Nationes, 1990. – S. 48-49.
8. *Auzinger H.* Die Pointe bei Čechow / Helene Auzinger. – Wiesbaden : Harrasowitz in Komm., 1956. – 151 S.
9. *Böll H.* Es wird etwas geschehen // Deutschland erzählt. Von A. Schnitzler bis U. Johnson. / ausgew. u. eingel. v. Benno von Wiese.– Frankfurt am Main und Hamburg: Fischer Bücherei, 1962. – S. 264-268.
10. *Erzählte Zeit.* 50 deutsche Kurzgeschichten der Gegenwart / Durzak M. (Hrsg.). – Stuttgart: Philipp Reclam jun., 1980. – 517 S.
11. *Mechtel A. Katrin* // Deutsche Kurzgeschichten II. 11.-13. Schuljahr / Günther Lange (Hrsg.).– Stuttgart: Philipp Reclam jun., 1989. – S. 23-26.
12. *Müller R.* Theorie der Pointe / Ralph Müller. – Paderborn: Mentis, 2003. – 341 S.
13. *Theorie der Kurzgeschichte.* Für die Sekundarstufe / hrsg. von Hans-Cristoph Graf von Nayhauss. – Stuttgart: Philipp Reclam, 1977. – 96 S.
14. *Wenzel P.* Von der Struktur des Witzes zum Witz der Struktur: Untersuchungen zur Pointierung in Witz und Kurzgeschichte / Peter Wenzel. – Heidelberg : Winter, 1989. – 291 S.

В статье представлен сравнительный лингвистический анализ пуантирования художественных текстов, относящихся к шести различным композиционным подтипам немецкой короткой истории. Формы пуантирования определяются спецификой реализации трех знаковых составляющих стилизового пуанта: синтаксического, семантического и прагматического.

Ключевые слова: тип текста “немецкая короткая история”, подтип текста, структурный пуант, стилизовой пуант, пуантирование.

The article contains the comparative linguistic analysis of subtle pointing in art texts which belong to six different composition subtypes of a German short story. Forms of subtle pointing are distinguished by specific character of realization of three sign components of the style point: syntactic, semantic and pragmatic.

Keywords: type of a text “German short story”, subtype of text, punch line, style point, subtle pointing.

Маиштакова Н. В.
Национальный педагогический университет
имени М. П. Драгоманова

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ПОСЛОВИЦ – ПРИМЕТ КАК ОДНОГО ИЗ ЭЛЕМЕНТОВ ГЕРМАНСКОЙ И РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

При помощи компонентного анализа в статье анализируется семантическая структура пословиц германской и русской культуры. Предложенный метод помогает глубже понять их значение. Изучение и сравнение пословиц разных ареалов повышает эффективность изучения примет.

Ключевые слова: приметы, пословицы, компонентный анализ, дифференциальная сема, интегральная сема.

Народные приметы, представляющие собой неотъемлемое звено национальной культуры, и до сих пор остаются одним из наименее изученных в лингвистике фольклорных микрожанров.

Связанные с представлениями человека об окружающем мире, приметы несут в себе познавательный потенциал, имеют большую этнографическую, языкотворческую и художественную ценность. В народных приметах справедливо отмечают интересное соседство тонких наблюдений, точных знаний и безосновательных суеверий.

Возникновение обрядности и соответственно праздника исходит, вероятно, из специфики мышления человека, требующей образной мультипликации практических действий. “Тождество субъекта и объекта, – считала О. М. Фрейденберг, – мира одушевленного и неодушевленного, слова и действия приводит к тому, что сознание первобытного общества орудует одними повторениями. Тождество и повторения ставят знак равенства между тем, что происходит во внешнем мире и в жизни самого общества; переосмысляя реальность, это общество начинает компоновать новую реальность, иллюзорную, в виде репродукции того же самого, что оно интерпретирует: это и есть то, что мы называем обрядом и что в мертвом виде становится обычаем, праздником, игрой” [10, с. 54].

Календарные обряды, связанные с ними поверья, магические действия, песни, игры, развлечения представляют собой необычайно сложный комплекс действий и идей. Найти исторические корни этих явлений, выяснить, что в них первичное и основное, а что вторичное и производное, – задача сложная и тем самым обуславливает свое научное значение.

В научной литературе не раз делались попытки свести календарные обычаи, обряды и верования к единому корню. Этот корень одни исследователи видели в мифологических олицетворениях и культе небесных явлений (астрально-мифологическая школа Гримма и др.), другие – в земледельческих поверьях о “хлебных демонах” (Маннхардт, Вундт), иные – в первобытных магических представлениях (Фрззер), в “родовой жертве” (Робертсон-Смит), в “обрядках-переходах” (А. ван Геннеп), в погребальном культе (Пропп, Мошинский), в потребности периодической психической разрядки и в “смеховой культуре” (Бахтин М. М.).

Все эти попытки, однако, не решают проблемы в целом: они дают в лучшем случае лишь объяснение отдельных элементов, входящих в сложную систему календарных обычаев и верований.

Исходя из выше сказанного, можно сделать вывод, что поставленная научная проблема данной статьи, а именно – изучение примет в германском и русском ареале, объясняет актуальность изучения элементов календарной обрядности германской и русской культур.

Целью работы является компонентный анализ примет в календарной обрядности немецкой и русской культур в компаративном аспекте.

Задания статьи:

- определить этнокультурную специфику русско- и немецкоязычных примет;
- уточнить исторические корни элементов календарной обрядности;
- сравнить пословицы в календарной обрядности немецкого и русского языков путем компонентного анализа.

Вера в приметы – один из древнейших компонентов календарной обрядности, если не самый древний ее компонент; она универсальна и присуща всем народам. Записано множество народных примет на разных языках.

Приметы можно разделить на три большие категории:

- народные приметы, касающиеся главным образом погоды и её предположительных перемен; назовем их пока “стихийными”;
- приметы, основанные на систематических наблюдениях, – так называемые “научные” (или не противоречащие науке) предсказания погоды;
- “суеверные”, бытовые приметы, по большей части не относящиеся ни к погоде, ни к календарным обычаям и поверьям.

Вряд ли можно сомневаться в том, что в древнейший, доземледельческий (для краткости называемый иногда “охотничий”), период своей истории человек, еще целиком зависевший от сил природы, имел – и вынужден был иметь – какие-то представления о переменах погоды. Эти представления, древнейшие “знания” человека о природе, стихийно накапливались поколениями людей. Суровые природные условия – в северных широтах морозы, бураны, в умеренных те же морозы, метели, летние засухи, в жарком климате тропические ливни, грозы, ураганы и пр. – угрожали слабо защищенному человеку если не гибелью, то голодом, трудностями кочевания. Возможно поэтому древний охотник, рыбак, собиратель с опаской вглядывался в окружающую его природную среду, стараясь хотя бы за день угадать предстоящую перемену погоды.

В историко-этнографической литературе в последние годы обнаружился интерес к широкой и очень важной проблеме – восприятие времени в разные эпохи истории человечества [8, с. 56]. Вероятно, первобытным людям было совершенно чуждо абстрактное понятие времени: идея времени всегда связывалась с конкретными действиями, с непосредственной человеческой практикой. В эпоху, когда древний человек только осваивал хозяйства заботы о будущем и быть еще не могло. В сознании людей будущее существовало только как самое ближайшее, непосредственное. Поэтому и приметы предстоящих перемен погоды могли охватывать только самые короткие сроки.

У земледельческих народов, стоящих в большинстве своем на более высоком уровне культурного развития, жизненная необходимость наблюдения примет погоды многократно возрастает. Земледельцу важно знать, хотя бы предположительно, не только какая будет погода завтра или послезавтра, но и какая будет весна, ранняя или поздняя, когда ждать последних заморозков, какое будет лето, дождливое или засушливое, а потому – когда начинать весеннюю пахоту и сев, в какие сроки убирать урожай.

В этих “стихийных” (“земледельческих”), если их так условно называть, приметах, известных у многих народов тысячами, присутствует устойчивость и однотипность модели: “какая зима (весна), такое и лето”. Возникшие, конечно, в отдаленной древности, они дожили и до наших дней. Главная причина однотипности модели – та, что она связана с образом ведения земледельческого хозяйства, отличающегося, как известно, крайним консерватизмом и застойностью.

Даже в таком раннем историческом источнике, как евангелие, говорится о предсказаниях погоды. В евангелии от Луки Иисус напоминает народу, что облако, поднимающееся с запада, предвещает дождь (Лука XII, 54-55); багровый закат означает хорошую завтрашнюю погоду (Матф. XVI, 2-3).

В основе народных примет о погоде лежат вполне реальные наблюдения, подтверждаемые, если не всегда, то во многих случаях, действительным наступлением ожидаемой погоды: дождя, оттепели, заморозка. Столь же ясно, однако, что скудный, ограниченный опыт древнего земледельца не позволял ему очерчивать трезвые границы

своих познаний природы: наряду со здоровыми прогнозами погоды у любого народа бытовали и бытуют совершенно фантастические, никаким опытом не подтверждаемые метеорологические приметы. Но и мы сейчас еще не можем отделить резкой чертой одно от другого [11, с. 284-285].

Приметы о погоде более четко можно разделить на 3 группы: 1) краткосрочные (погода на завтра); 2) долгосрочные (какая будет весна, лето); 3) фиксированные (в день такого-то святого полагается быть такой-то погоде). Есть еще переходный тип – от 2-й группе к 3-й: “если в день такого-то святого стоит такая-то погода, то. . .”.

Так, у всех европейских народов есть примета (с вариантами), что безоблачный заход солнца предвещает на завтра ясную погоду, а солнце, заходящее за тучу, – дождь или ветер.

Что касается долгосрочных примет: *Какая будет весна, какое лето, какой урожай*, – то здесь в гораздо большей мере можно говорить о фантазии, чем о реальной действительности, поскольку у древнего земледельца не было надежных источников подобной информации.

Один из самых показательных примеров – широко распространенное мнение о взаимной связи сезонов по модели: “если зима была такая-то, то лето будет таким-то”.

Как известно, научная метеорология не отвергает существования такой связи, но она не так проста и не дает никаких гарантий от ошибок. Тем больше был риск ошибиться у древнего земледельца. Но вопреки постоянным ошибкам и разочарованиям суровая нужда заставляет человека вновь и вновь делать свои прогнозы. Модель – “какая зима (весна), такое и лето” – продолжает работать. И чаще всего она дополняется весьма важным, самым важным, звеном: “... и такой будет урожай”.

В современной диалектной лексикологии прочно укрепился лексико-семантический подход к анализу материала, помогающий выяснить возможность системных отношений между лексемами. “Слова и их значения живут не отдельной друг от друга жизнью, но соединяются в различные группы, причем основанием для группировки служит сходство или прямая противоположность по основному значению”, – указывал один из основоположников системного изучения лексики М. М. Покровский [5, с. 82].

Такие объединения слов в лексикологии принято называть лексико-семантическими группами (ЛСГ). Члены ЛСГ имеют не только общие или интегральные семы (ИС), но и дифференциальные признаки или семы (ДС), по которым они различаются или противопоставляются. Д. Н. Шмелев называет лексико-семантическими такие группы, в которых “одна единица противопоставлена другой по какому-то определенному признаку” [12, с. 81].

В данной статье рассматривается ЛСГ “Признаки погоды в январе” в русских и немецких приметах. Она включает в себя следующие единицы: *gelinder, nass, hell, weiß, heiß, kalt, warm, frostig, ohne Eis, Regen, Schnee* (в немецкоязычных приметах), *ясный, много воды, мало воды, сухой, мокрый, серый, холодный, снегопад, дожди* (в русскоязычных приметах).

В значении каждой из них присутствует сема “состояние атмосферы, погода в данном месте в данное время” – это ИС. Дифференциальные семы, по которым слова противопоставляются друг другу, обозначают:

1. ‘оценку’: холодный (ДС) – теплый (ДС), *kalt* (ДС) – *warm* (ДС);
2. ‘наличие – отсутствие воды’: много воды (ДС) – мало воды (ДС), *viel Wasser*

(ДС) – wenig Wasser (ДС);

3. ‘наличие осадков’: мокрый (ДС) – сухой (ДС), nass (ДС) – weiß (ДС);

4. ‘наличие снега’: снегопад (ДС) – дожди (ДС), Schnee (ДС) – ohne Eis (ДС);

5. ‘наличие солнца’: ясный (ДС) – серый (ДС), hell (ДС) – nass (ДС).

Рассматриваемый материал можно представить в виде таблицы, где по вертикали размещены анализируемые слова, а по горизонтали названия семантических признаков.

семы слова (признаки)	‘оценка’	‘наличие воды’	‘отсутствие воды’	‘наличие снега’	‘наличие солнца’	‘наличие осадков’
ясный / hell	+	-	+	+	+	-
холодный / kalt	+	-	+	+	-	-
много воды / viel Wasser	+	+	-	-	-	+
мало воды / wenig Wasser	+	-	+	-	-	-
мокрый / nass	+	+	-	+	-	+
сухой / weiß	+	-	+	-	+	-
снегопад /Schnee	+	-	+	+	+	-
дожди / Regen	+	+	-	-	-	+
серый / nass	+	+	-	-	-	+

Вот несколько примеров: январские приметы у германских народов выражены обычно в форме пословиц. Общее значение модели следующие: “сухой и морозный январь предвещает хорошую жатву, а сырой и дождливый – плохую”.

Немецкие пословицы:

Gelinder Januar bringt ein spätes Frühjahr. Мягкий январь принесет позднюю весну.

Nasser Januar – nasses Frühjahr. Мокрый январь – мокрая весна.

Ist der Januar hell und weiß, wird der Sommer sicher heiß. Если январь ясный и белый, то лето будет наверняка жаркое.

Wenn das Grass wächst im Januar, wächst es schlecht durch's ganze Jahr. Если в январе растет трава, то она плохо будет расти весь год.

Regen im Januar bringt der Saat Gefahr. Дождь в январе опасен для посева.

Im Januar viel Wasser – wenig Wein, wenig Wasser – viel Wein. Много воды в январе – мало вина, мало воды – много вина.

Januar kalt – das gefällt, Januar warm – das Gott erbarm. Январь холодный – это к добру, январь теплый – господи, помилуй нас!

Januar weiß, der Sommer heiß

Ist der Januar frostig und kalt, lockt uns bald der grüne Wald.

Ist der Januar kalt und weiß, kommt der Frühling ohne Eis.

Je schneer der Januar, desto freundlicher das Jahr [6].

А теперь сравним их с январскими приметами в русскоязычном ареале, которые также выражены в форме пословиц.

Русские пословицы:

Сух январь – крестьянин богат.

Серый январь – хлебам беда.

Если январь холодный, июль будет сухой и жаркий: не жди грибов до осени.

Коли в январе март, бойся в марте января.

Если в январе частые снегопады и метели, то в июле частые дожди.

В январе висит много частых и длинных сосулек — урожай будет хороший.

Луна синей – зерна сильнее [6].

Отчетливо видно, что в приметах германской и русской культур, выраженных в форме пословиц, присутствует общая интегральная сема (состояние атмосферы) и схожие дифференциальные семы (например, мокрый – сухой). Исходя из этого, понятен тот факт, что в рассматриваемых культурах приметы одинаковы по модели.

Также, заметной особенностью являются отношения, которые могут проявляться эксплицитно с помощью грамматических средств связи (союзы, предлоги, аффиксы) и имплицитно, причем импликация может быть как синтаксической, выражаемой видовременными формами, интонацией, так и семантической, когда она диктуется не языковыми, а экстралингвистическими факторами. Эксплицитные знаки подчинения (союзы, аффиксы в русском и немецком языке) занимают особое место в составе сложного предложения. С одной стороны, союзы и аффиксы испытывают воздействие со стороны сложных конструкций, с другой стороны, являясь сигналами связи, наделены силой влияния на эти конструкции, как правило, в сфере семантического (содержательного) аспекта связи [9, с. 140].

Так, например, и в русских и в немецких пословицах присутствуют такие союзы: *Если январь холодный, июль будет сухой и жаркий: не жди грибов до осени. Коли в январе март, бойся в марте января. Wenn das Grass wächst im Januar, wächst es schlecht durch's ganze Jahr.*

Простые союзы создают особенную семантическую линию в немецко- и русскоязычных пословицах. Из всех видов условной семантики в народных приметах реализована семантика так называемого реального условия, которая понимается нами как синкретичная, условно-временная.

Выводы. Таким образом, приметы в календарной обрядности немецкой и русской культур являются непреходящими атрибутами человечества. Материальные потребности земледельческого (и скотоводческого) хозяйства представляют собой первоначальную основу календарных обычаев и праздников в фольклоризированной форме, как рифмованные пословицы, агрономические советы и рецепты. Для повышения эффективности изучения примет особое значение надо придавать изучению и сравнению пословиц разных ареалов. Именно это и является основной перспективой для дальнейших исследований.

При помощи компонентного анализа, можно определить, что в значении каждой единицы ЛСГ “Признаки погоды в январе” присутствует общая сема “состояние атмосферы”. Вследствие чего были выделены признаки, с помощью которых одни единицы различаются между собой дифференциальной семой (напр., *холодный – теплый*), а другие, наоборот объединяются интегральной семой (напр., *много воды, мокрый, дождливый*). Приметы рассматриваемых культур практически полностью совпадают по своему значению. Они имеют общие семы. Благодаря интегральным и дифференциальным семам можно определить частоту повторяемости природных явлений и увидеть схожие элементы в приметах русской и немецкой культуры.

Выявленные в процессе семного анализа черты сходства германской и русской

метеорологічних термінологій дозволили визначити специфіку розвитку спеціальної лексики в даних мовах. Результати дослідження можуть сприяти подальшій розробці теоретичних положень семасіологічного, історичного, ономазіологічного і сопоставительного аспектів.

Л и т е р а т у р а :

1. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М. : Русские словари, 1996. – 416 с.
2. Блинова Г. П. Русские народные праздники (Теория и история) : учебное пособие. – М. : Вузовская книга, 2000. – 168 с.
3. Ермолов А. Народная сельскохозяйственная мудрость. Т. I. Всенародный месяцеслов. – СПб., 1901. – С. 47, С. 50, С. 80, С. 126-142.
4. Капица Ф. С. Славянские традиционные верования, праздники и ритуалы : Справочник. – М. : Флинта : Наука, 2000. – 216 с.
5. Покровский М. М. Семасіологічні дослідження в області древніх мов // Избр. работы по языкознанию. – М., 1959. – С. 80-94.
6. Режим доступа : <http://12mesyatcev.ru/maj.html>.
7. Сорокопуд Н. Календарь полезных советов. – Харьков : “Панорама”, 1993. – 96 с.
8. Токарев С. А. Календарные обычаи и обряды в странах Зарубежной Европы. Исторические корни и развитие обычаев. — М. : Наука, 1983. – 220 с.
9. Фаттахова Н. Н. Семантико-синтаксические отношения и способы их репрезентации в народных приметах // Сборник научных трудов / под общ. ред. докт. фил. наук, проф. А. А. Аминовой. – Казань, 2003. – С. 140-147.
10. Фрейдберг О. М. Поэтика сюжета и жанра. – М. : Лабиринт, 1997. – 448 с.
11. Чичеров В. И. Зимний период русского народного земледельческого календаря XVI–XIX вв. – М. : Наука, 1957. – 356 с.
12. Шмелев Д. Н. Очерки по семасіологии русского языка. – М. : Просвещение, 1964. – 244 с.
13. Radin P. Primitive religion. – New York, 1937. – 268 p.

За допомогою компонентного аналізу в статті аналізується семантична структура прислів'їв німецької та російської культури. Запропонований метод допомагає глибше зрозуміти їхнє значення. Вивчення і порівняння прислів'їв різних ареалів підвищує ефективність вивчення прикмет.

Ключові слова: прикмети, прислів'я, компонентний аналіз, диференційна сема, інтегральна сема.

By means of the componental analysis in article the semantic structure of proverbs of the German and Russian culture is analyzed. The offered method helps to understand their value more deeply. Studying and comparison of proverbs of different areas raises efficiency of studying of signs.

Keywords: signs, proverbs, the componental analysis, differential sema, integrated sema.

Місник Н. В.
Національний медичний університет
імені О. О. Богомольця

ІСТОРІЯ СТАНОВЛЕННЯ УКРАЇНСЬКОЇ МЕДИЧНОЇ ТЕРМІНОЛОГІЇ

Стаття присвячена дослідженню української медичної клінічної термінології. Проаналізовано закономірності її формування і розвитку.

Ключові слова: терміносистема клінічної медицини, термінографія.

Історичний погляд на українську медико-клінічну термінологію показує, що цей шар лексики є одним з найдавніших.

Осмилення процесу виникнення та розвитку української медичної термінології, яка на різних етапах свого формування відбивала мовними засобами поняттєву базу